

Культурная самобытность как стержень «мягкого могущества»

Е.П. Панова

Косенко С.И. Мягкое могущество в твердой упаковке: особенности культурной Франции. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2011.

Книга С.И. Косенко посвящена особенностям государственного планирования и осуществления культурной политики Франции на протяжении веков с упором на современность. Такой подход позволяет продемонстрировать, как французское государство противостоит культурной глобализации, в первую очередь – американской экспансии, защищая французскую национально-культурную самобытность. Работа представляет собой углубленное и детальное сравнительно-историческое исследование, характеризующееся доступным языком изложения, авторским, подчас немного эмоциональным стилем, и, безусловно, неравнодушием автора к такой животрепещущей и актуальной теме, как сохранение культурного наследия и культурной идентичности страны. Пример Франции призван продемонстрировать другим государствам, которые столкнулись со схожими вызовами в эпоху глобализации, в том числе и России, как можно и нужно поддерживать и развивать отечественную культуру, сохраняя ее притягательность для других народов и государств.

В книге культурная политика Франции рассматривается в ее внутренних и внешних аспектах, что позволяет проследить их взаимосвязь и преемственность независимо от

того, какие политические силы в этот момент находились у власти. Сам термин «культурная политика» является французским изобретением, а традиционная доминирующая роль государства в ее осуществлении является ее отличительной чертой. Длительное время именно французское государство с его материальными ресурсами и разветвленной системой органов исполнительной власти выполняло задачи «опеки и поощрения культурной самобытности», что способствовало формированию особого национального самосознания французов. Культура, таким образом, изначально считалась сферой, тесно связанной с политическими задачами, в том числе на внешнеполитическом поприще.

Преимущества сложившихся в сфере культуры государство-центричных отношений были очевидными. Это доказывали:

- совершенствование внутренней законодательной базы, призванной защитить отечественных производителей книгопечатной, аудиовизуальной и иной продукции, а также регулирующей использование англоязычных терминов с целью поддержать чистоту французского языка;

- отстаивание интересов культурной самобытности в международном торговом пра-

вовом режиме в рамках ГАТТ/ВТО, а также международных конвенциях об охране и поощрении различных форм культурного самовыражения;

– активное участие государства в выкупе произведений искусства, создании телекоммуникационных корпораций, фондов по финансированию кинопроизводства, средства в которые поступали в том числе и за счет налогообложения на прокат голливудских блокбастеров;

– выстраивание систем защиты предприятий культурной индустрии от банкротства и т.д.

В международной сфере в рамках франкофонии, насчитывающей в качестве постоянных членов более 50 стран в Африке, Европе, Северной и Южной Америке, Франция проводит довольно широкий круг мер, не ограничивающихся рамками сугубо культурного сотрудничества и поддержки французского языка. Подчас речь идет и о защите прав человека, и об урегулировании локальных конфликтов (как, например, во время политического кризиса в Кот-Д'Ивуаре в 2011 г., когда французские военные совместными действиями с миротворцами ООН обеспечили передачу власти признанному президенту, Алаассану Уаттаре), и о сохранении сферы своего влияния. Все это еще раз доказывает, что культура является проводником политики государства.

Американский исследователь Джозеф Най считает культуру одним из составляющих «мягкой власти» государства, наряду с идеологией, институтами и внешней политикой в том случае, если другие считают ее легитимной и морально оправданной. «Мягкая власть» понимается как способность влиять на действия и поведение других участников мировой политики путем формирования их предпочтений, используя для этого собственную привлекательность. В данном контексте работа приобретает еще большую актуальность. Действительно, пример Франции показателен с точки зрения длительности и масштабности применения культурной политики с целью «привлечения» других государств и расширения сферы применения своего политического влияния. В связи с этим хотелось бы немного перефразировать название книги: речь идет именно о «твердом могуществе, поданном в мягкой упаковке».

И все же, несмотря на преемственность и множественность усилий, предпринимаемых французским государством, его культурное влияние в мире снижается, а виновата в этом, по мнению автора, глобализация с американским лицом. Автор в первую очередь сокрушается по поводу коммерциализации культуры, осуществленной американцами, господствующего влияния американских ТНК в мировых культурных процессах благодаря контролю над коммуникационными и аудиовизуальными

системами. Данное обстоятельство, безусловно, представляет серьезную проблему не только для Франции, но и для любого другого государства, борющегося за сохранение своей культурной самобытности.

Вместе с тем оно заставляет задуматься об одном важном аспекте культурной политики Франции: насколько благоприятна ситуация, в которой превалирующую роль в культурной политике в ее идейном и практическом плане играет государство? Несомненно, роль государства не должна сводиться к стороннему наблюдателю, однако из успеха американской культурной экспансии следует, как минимум, вывод о том, что необходимо как можно более решительно привлекать частный сектор и частные деньги. Согласно статистике, приведенной самим автором, уже в середине 1980-х гг. в США на долю частных источников приходилось свыше 80% финансирования культурной деятельности, в то время как во Франции – немногим более 1,5%. И двадцать лет спустя ситуация мало изменилась. К примеру, в 2000 г. бюджет Ассоциации артистической деятельности Франции, главного внешнего оператора по осуществлению культурных обменов, почти на 80% покрывался за счет средств МИД, 5% – Минкультуры, 17% – территориальных органов управления и только 5% – за счет меценатов.

Естественно, что там, где участвуют частные деньги, появляется и частный интерес, руководствующийся логикой извлечения прибыли и максимально рационального использования средств. Кроме того, возникает и другое преимущество частных игроков перед государством, а именно прямые контакты между народами, citizen-to-citizen contacts, несущие отпечаток культурной самобытности, однако напрямую не ассоциирующиеся с иностранной государственной машиной. Джозеф Най в этой связи считает, что гражданское общество делает больше, чем государство, для представления этого государства и донесения его политики до широкой международной аудитории, а потому государство ни в коем случае не должно контролировать экспорт культуры. В случае Франции государственное присутствие, кроме спасительных и протекционистских мер, в некоторых случаях выступает как громоздкая бюрократическая машина, где «профессиональные работники ждут регламентаций, субсидий и помощи со стороны государства». Не в этом ли кроется причина проблем французской культурной политики?

Автор рассчитывает, что пример культурной политики Франции, который он считает весьма удачным, должен подсказать, как необходимо действовать другим государствам, в том числе России. Однако представляется, что данная модель применима к сегодняшним реалиям, только если она будет дополнена частной инициативой и столь нелюбимой автором «коммерциализацией культуры». Речь идет о

культуре массовой, включающей кино, моду, кухню и многое другое. Именно она остается основным проводником образов и идей, ассоциированных с данной страной, ее идеалами, внутренней и внешней политикой, а потому может быть наиболее эффективным инструментом в популяризации ее языка и образа. Высокое искусство – литература, театр, живопись, – как ожидается, останется наименее коммерциализированной областью культурной политики под покровительством государства, однако и здесь возможно более широкое привлечение частных инвесторов и меценатов.

Поскольку книга посвящена усилиям по сохранению культурной самобытности Франции, в ней обходится стороной аспект о культурном синтезе в условиях глобализации. Сам автор указывает, что культурная политика, нацеленная на формирование национального самосознания и чувства гордости французов, мало затронула общины иммигрантов, которых с каждым годом во Франции становится все больше. Это проблема, с которой сталкиваются многие европейские государства, однако французская модель культурной политики не дала на нее сколько-нибудь внятного ответа, что также свидетельствует в пользу избирательного применения ее опыта в других странах.

Несомненно, что вызовы глобализации, которая, вопреки мнению автора, не обязательно означает американизацию, создают некое новое культурное поле взаимодействия и синтеза культур в реальном пространстве, а

также в виртуальном – на просторах Интернета, который еще меньше поддается контролю государственных органов. В этой связи культурная политика, безусловно, должна оставаться одной из прерогатив государства. Однако ее осуществление должно трансформироваться. Вместо опоры на традиционные государственные органы должны шире привлекаться неправительственный сектор и особенно новые социальные медиа – социальные сети, блоги, видео-порталы, которые охватывают десятки миллионов пользователей в разных странах мира, что зачастую не под силу ни одному, даже самому разветвленному, дипломатическому представительству. Таким образом, модель культурной политики Франции так, как она представлена в книге, безусловно, заслуживает внимания и авторитета, но в некотором смысле она уже устарела, поэтому требует серьезной доработки, чтобы соответствовать духу нашего времени.

Монография «Мягкое могущество в твердой упаковке: особенности культурной политики Франции» может быть полезна аспирантам и студентам, обучающимся по направлениям «мировая политика», «регионоведение» и «международные отношения», а также широкому кругу читателей, специалистов, политологов, интересующихся проблемами мировой политики.

Panova E.P. Cultural Identity as the Backbone of 'Soft Power'.